
Катрина
Яснева
РАЗВОД
Я смогу стать
счастливой

Катрина Яснева

Развод. Я смогу стать счастливой

«Автор»
2026

Яснева К.

Развод. Я смогу стать счастливой / К. Яснева — «Автор», 2026

Муж сказал, что у него есть любовница и она беременна.Мир качнулся.— Любовница, — повторил он, смакуя каждую букву. — Молодая. Красивая. Ей всего двадцать три года. Она родит мне ребенка, которого ты не смогла. Похоже, старая ты уже?Я была полна надежд, когда выходила за него замуж. Сейчас мне двадцать девять, а мой муж хладнокровно растоптал наше счастье ногами.Пройдет время, и он пожалеет обо всем.А я снова смогу стать счастливой. Я смогу! Правда?

© Яснева К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 10
Глава 3 12
Глава 4 15
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Катрина Яснева
Развод. Я смогу стать счастливой

Глава 1

Маша

Я смотрю на часы, висящие на стене рядом с кухонной дверью, и считаю минуты.

В духовке уже остывает запеченная курица — новый рецепт, который я освоила на прошлой неделе, с хрустящей корочкой, который так понравился моему мужу. Сначала я вытащила ее из духовки, она была готова как раз к шести! Но Валентина все не было, и я убрала курицу обратно в духовку — может, так хоть не окончательно остынет.

Салат с креветками стоит в холодильнике, накрытый целлофаном, чтобы не заветрил. Красное вино — дорогое, итальянское, за которым я специально моталась в хороший супермаркет, — ждет в бутылке на столе.

Сегодня наша годовщина… мне даже не верится, что мы женаты три года.

Машинально поправить скатерть, еще раз проверить, достаточно ли чисты бокалы, и снова посмотреть на часы.

Половина восьмого.

Валентин обещал прийти пораньше. Я просила его прийти пораньше сегодня утром, когда он еще был в постели, сонный и теплый, и я наивно думала, что все будет хорошо. Он поцеловал меня в лоб, машинально, привычно, и сказал:

— Да, да, конечно, постараюсь.

Постараюсь? Я тогда замерла, осознав, что слово звучит не слишком-то обнадеживающе.

Ладно, половина восьмого. Сколько можно сидеть на кухне? Я ушла в гостиную и устроилась на диване, поджала ноги. Сейчас квартира казалась слишком большой для одного человека и слишком тихой. Только холодильник гудел на кухне, да где-то наверху поскуливала грустящая без хозяев собака.

В голову лезли мысли, которые я привыкла отгонять.

В последнее время мы с Валентином часто ссоримся. И глупо как-то, по пустякам. Он может взорваться из-за того, что я не туда поставила его любимую чашку или суп немного пересолила, или что я, по его мнению, слишком долго разговаривала по телефону с мамой.

Раньше он был другим. Я помнила его обаятельным, романтичным, внимательным ко мне. Он мог принести кофе в постель, ну, может, не часто, но случались у него такие порывы. И даже перемыть потом посуду!

А в первые месяцы после свадьбы он часто слал мне сообщения посреди рабочего дня: «Скучаю».

Кажется, Валентин теперь скучает не по мне, а со мной.

Я стиснула зубы. Нет, так нельзя. У моего мужа бизнес, сотрудники, заказы, кризисы, конкуренты. Он устает. Он отвечает за благополучие людей. Конечно, он раздражительный. Конечно, ему не до романтики.

А может быть...

Мысль была ужасной, и я отгоняла ее, как надоедливую муху. Но она возвращалась.

Может быть, у него кто-то есть?

Я еще сильнее стиснула зубы. Так думать нельзя, Валентин не такой! Он говорил, что измены — это для слабаков. Что если мужчина женился, он должен быть верным. Он же сам так говорил!

Я встала, подошла к окну. Внизу, во дворе, горели желтые фонари, освещая пустую детскую площадку. Качели медленно покачивались на сильном ветру.

Дети.

Еще одна боль, которую я не умела прятать.

Три года брака. Два года попыток. Бесконечные врачи, анализы, узи, графики базальной температуры, витамины горстями, отказ от алкоголя, от кофеина, от всего, что могло помешать. Я делала все, что говорили врачи.

Мой муж не ходил к врачам.

— Нет, мне не надо, — однажды сказал он, когда я, боясь обидеть, все-таки предложила ему сдать анализы. — Я здоров. Дело в том, что… до знакомства с тобой у меня была девушка. Я тебе не рассказывал. В общем, она потеряла ребенка, поэтому мы расстались потом.

Я не знала, правда ли это. Может быть, придумал, чтобы закрыть тему.

— А ты, Маша, просто не нашла хорошего специалиста. Тебе попались плохие врачи. Надо поискать еще.

Я искала, еще и еще. Каждый новый врач говорил примерно одно и то же: «У вас все в порядке. Возможно, проблема в муже». Но как сказать это человеку, который не хочет слышать?

Я закрыла эту тему, перестала предлагать. Просто каждый месяц ждала, надеялась, плакала в ванной, когда обнаруживала только одну полоску на тесте…

Мой телефон, который я забыла на кухне, вдруг разорался на всю квартиру. Я вздрогнула и помчалась за ним.

Сердце екнуло, но на экране не обнаружилось надписи «Валентин», как я надеялась, это была моя мама.

— Привет, мам.

— Машуля, как дела? Поздравляю вас с годовщиной!

— Спасибо, мам, — я старалась, чтобы голос звучал бодро. — Все хорошо. Я приготовила ужин, жду Валентина.

— А где он?

Я посмотрела на нетронутые тарелки и приборы, на вино, которое никто не пил.

— Он на работе задержался, скоро будет.

— Ох уж эти мужчины, — вздохнула мама. — Вечно у них работа важнее семьи. Ладно, скоро придет, не волнуйся. А какие он тебе утром цветы подарил?

— Цветы? Да брось, мам! — правдоподобно рассмеялась я. — От них на работе житья уже нет, еще и дома с ними возиться? К тому же, это пустая трата денег.

Мама недоверчиво хмыкнула.

Мы поговорили еще минут десять. О погоде, о ее давлении, о том, что соседка сверху слишком громко смотрит телевизор. Обычный разговор. Я врала ей, что все хорошо, и она, кажется, верила — или делала вид.

После звонка я набрала Валентина.

Гудки. Длинные, тяжелые. «Абонент недоступен».

Я набрала еще раз — та же история. Набрала в третий раз через десять минут, в четвертый — через двадцать.

В половине десятого я сидела на кухне и смотрела на закрытую духовку, где давно уже остыла курица.

Где ты, Валентин?

***

В десять часов я услышала, как в замке поворачивается ключ.

Я вскочила. Сердце колотилось где-то в горле. Я хотела броситься к нему, обнять, сказать, что я волновалась, что я так рада, что он пришел.

Валентин вошел в прихожую, разулся. Не спеша расстегнул дорогое пальто, которое я выбирала ему в прошлом году в торговом центре — долго уговаривала, что черное лучше серого, и оказалась права. Повесил пальто на плечики, убрал в шкаф. Расстегнул пиджак и тоже повесил на плечики.

Он был хорош собой — всегда был. Красивый, статный, в очках с тонкой оправой, которые делали его солиднее.

— Привет, — сказала я тихо.

Он посмотрел на меня задумчивым взглядом.

— Чего руки не идешь мыть? — пробормотала я. — Валь, я там ужин приготовила, правда, курица остыла, но я подогрею…

— Привет, Маша.

Голос у него был странный. Твердый, чужой.

Я подошла поближе, уже чувствуя, что что-то не так. Он не поцеловал меня, не обнял — просто смотрел.

— Почему ты не брал трубку? — спросила я, стараясь не показывать, как меня колотит изнутри. — Я же волновалась…

— Ты волновалась? — повторил он, и в его голосе было что-то издевательское. — Ты всегда волнуешься. Сколько можно контролировать каждый мой шаг, а, Маша?

— Что? Нет, я просто...

— Ты просто! — он повысил голос. — Ты просто не даешь мне дышать! Звонки, сообщения, «когда ты придешь», «почему ты не берешь трубку». Я устал от этого!

Я отступила на шаг.

— Валь, у нас сегодня годовщина. Я просила тебя прийти пораньше. Мы не виделись толком всю неделю...

— Ах, годовщина! — он засмеялся, но смех был злой. — Романтическая музыка, свечи, вино, салфеточки? Думаешь, мне это нужно?

У меня задрожали губы.

— Валентин, что с тобой?

— Со мной? Ничего. А вот с нами — всё.

Он прошел в гостиную, сел в кресло. Я стояла в дверях, чувствуя себя лишней в собственном доме.

— Ты знаешь, сколько у меня сегодня работы было, сколько я всего разрулил и перелопатил? — спросил он, глядя в потолок. — Нет, ты не знаешь. Потому что тебя не интересует, что я тащу все на себе, как лошадь! Тебя интересует только твой маленький мирок из цветочков и горшочков!

— Я тоже работаю, — тихо сказала я.

— Да, ты работаешь! — он резко повернулся ко мне. — Ты работаешь за копейки в этом цветочном магазинчике, где торгуешь розами по сто рублей!

— Розы давно уже не стоят сто рублей, Валя, — сказала я. — Минимум пятьсот.

«Ты не знаешь этого, потому что давно мне их не дарил», — подумала я.

— Да плевать! — рявкнул он. — Ты сидишь на моей шее, Маша! Я тебя, по сути, содержу! Квартира моя, я купил ее еще до нашей свадьбы! Машину купил я! Мебель, техника — все куплено за мой счет! Я все тебе дал, а ты!

В груди поднималась тяжелая волна — как же больно такое слышать…

— Почему ты раздуваешь скандал? — спросила я. — Валя, я пытаюсь тебя понять, но не понимаю…

— Не понимаешь?

Он вскочил, поджал губы, а потом вдруг улыбнулся. Я не видела в этой улыбке ничего хорошего.

— Знаешь, Маша… — сказал он, подходя ко мне почти вплотную. — Я не буду ничего от тебя скрывать. У меня есть любовница.

Мир качнулся.

— Что?

— Любовница, — повторил он, смакуя каждую букву. — Молодая. Красивая. И она беременна.

Кажется, я разучилась дышать.

— И… кто же она?

Валентин пожал плечами.

— Моя секретарша Алина. Кстати, ей всего двадцать три года. И — да, она родит мне ребенка, которого ты не смогла, — он усмехнулся. — Похоже, старая ты уже для этого?

Двадцать девять лет — старая?

— Значит, старая?

— Маша, ты целых три года не могла зачать! Носилась по больничкам, тратила мои денежки на анализы, а все без толку! Мне жаль тебя, но ты пустышка. Увы.

Пустышка.

Это слово я слышала раньше — один раз, от его матери. Не при нем, конечно. При нем Галина Васильевна всегда была само очарование — улыбки, поцелуйчики, «Машенька, какая ты у нас хозяюшка». Но однажды, когда она была у нас в гостях, а Валентин вышел из комнаты, свекровь вдруг окинула меня ледяным взглядом.

— Не понимаю, почему ты никак не можешь забеременеть, — сказала она тогда. — Не понимаю, почему он на тебе женился! Столько девушек красивых вокруг, молодых, свободных, замуж выходят, беременеют, рожают, и только Валентину моему досталась ты!

— Что? — я даже не поверила своим ушам.

— Маша, Маша, я так ждала внуков, — помню, вздохнула Галина Васильевна. — А ты... Ну что ты за женщина? Таких женщин называют пустышками — знаешь, да? Зачем ты так рвалась замуж, если не можешь родить?

А я не рвалась, вообще-то! Это Валентин за мной долго ухаживал, упорно завоевывал и в конце концов завоевал!

Позже я пыталась рассказать Валентину про то, что мне заявила его мать. Он не поверил.

— Ну что ты выдумываешь? — бросил он, даже не дослушав. — Моя мама не такая. Она просто не могла.

И все, больше я эту тему не поднимала. К счастью, Галина Васильевна тоже.

Зато теперь это ужасное слово Валентин произнес сам.

Я смотрела на него и чувствовала странное опустошение. Внутри как будто что-то оборвалось — должно быть, последняя ниточка, которая держала меня здесь.

— Значит, у тебя любовница, — ровным голосом сказала я. — Что ж, прощай, Валентин. Пойду соберу вещи.

— Вещи? — закричал он. — А здесь ничего твоего нет! Мебель, техника — все мое! Ты пришла на все готовенькое, вот и уходи ни с чем!

Я даже слушать его не стала. Молча пошла в спальню, вытащила из шкафа большую сумку, принялась кидать в нее то, что попадалось на глаза — любимые книги, нижнее белье, одежду, косметику, флаконы с духами, разные мелочи вроде заколок и расчесок.

Валентин тоже вошел в спальню, встал в дверях, прислонился плечом к косяку. Наверняка решил проследить, не заберу ли я наличные из сейфа.

На тумбочке стояли наши совместные фото в рамочках — вот мы в загсе, вот в отпуске на море… Надо же, три года назад я наивно верила, что все у нас с ним будет хорошо!

— Крохоборка, — сказал мой муж. — Не думал, что ты такая мелочная, Маша. Постарайся не забыть ни одну, даже самую маленькую заколочку. Потому что я все равно их выкину.

Я набила сумку, сверху расположила документы, застегнула молнию.

— Можешь мою зубную щетку выкинуть, — сказала я.

Перекинула длинный ремень через плечо, взяла в свободную руку свою сумочку — я купила ее себе два года назад на распродаже за смешные деньги, потому что больших денег в моем распоряжении и не было никогда. Потом я вытащила из кармашка ключи от квартиры и бросила их на кровать.

— Ну, прощай, Маша, — сказал Валентин.

— Иди ты к черту, — сказала я.

Вышла в подъезд, и дверь за мной закрылась с металлическим щелчком.

На улице было темно и холодно, как и должно быть, впрочем, в марте. Кое-где во дворе, в самых затененных уголках, еще не растаяли сугробы — но они были совсем темными, слежавшимися и рыхлыми. А в воздухе уже пахло приближающейся весной.

Моя счастливая жизнь только что разрушилась, раскололась на части. А впрочем, была ли она счастливой?

Я не собираюсь ни о чем горевать. Я справлюсь. Я снова буду счастлива. А Валентин пусть живет как знает, мне все равно.

Достала телефон, трясущимися пальцами открыла приложение такси. Указала мамин домашний адрес.

Слава богу, что у меня есть близкий, родной человек! Мама никогда не скажет мне, что я бесполезная пустышка.

Машина подъехала через три минуты. Я села на заднее сиденье и уставилась в окно. Город плыл мимо — витрины магазинов, фары встречных машин, светофоры, люди, спешащие по своим делам. Никто не знал, что только что жизнь одного человека разбилась вдребезги.

Я не плакала.

По идее, должна была уже разрыдаться, но нет. Наверное, это шок. Или гордость. Я не хотела плакать из-за него! И знала, что не буду. Ни сейчас, ни потом, когда я останусь одна.

Глава 2

Дверь открыла мама — в халате, растрепанная, сонная. Она посмотрела на меня, потом за мою спину, на пустую лестничную клетку.

— Маша? Что случилось? Где Валентин?

— Мы с ним разводимся, мама, — сказала я. — Я вернулась домой.

Мама не стала задавать вопросов. Она просто отступила в сторону, пропуская меня.

— Устала, моя хорошая? Пойдем, я тебе в твоей комнате постелю.

И это было единственное, что мне было нужно.

Мама меня поддерживала — не знаю, что бы я делала без нее. А еще она не особо лезла с вопросами, и слава богу, ведь пересказывать все то, что наговорил мне мой муж, у меня не было ни желания, ни сил.

Я позвонила на работу, сказала, что приболела, и пообещала появиться завтра. На самом деле я просто не могла представить, как буду улыбаться покупателям, составлять букеты, делать вид, что все хорошо.

Подруга Вика приехала вечером в тот же день — с коробкой пирожных.

— Ну-ка рассказывай, — сказала она, усаживаясь на кухне.

Я рассказала.

Вика слушала молча, только кусала губу, а когда я закончила, стукнула кулаком по столу.

— Козел!

— Это мягко сказано, — усмехнулась я.

— А эта Алина — дура. Она думает, он с ней будет белым и пушистым? Нет, таким же козлом.

Вика сделала глоток чаю, задумалась.

— Но знаешь что, Маш? Ты молодец. Ты не стала плакать, не стала умолять. Ушла красиво.

— Ага, мухожук красивый, — засмеялась я, чтобы не показывать, как мне горько. — Вот, зубную щетку не взяла. Это красиво?

— Это эпично. Пусть теперь знает, что ты гордая и независимая. А это бесит таких мужиков больше всего.

На следующий день я вернулась на работу, и жизнь пошла своим чередом.

Салон, в котором я работаю уже пять лет, называется незамысловато: «Цветы». Это маленький уютный магазинчик на первом этаже жилого дома, с большими окнами, украшенными гирляндами, а внутри всегда пахнет лилиями.

Хозяйка, Наталья Сергеевна, суховатая, но очень порядочная, не стала особо расспрашивать, что со мной случилось, только кивнула.

— Рада, что ты поправилась, Маша. Сегодня много заказов.

Вика встретила меня с распростертыми объятиями.

— Ну, пионер, — сказала она, — готов?

— Всегда готов, — ответила я.

Работа спасала. Когда руки заняты, голова меньше думает о том, что было. Стебли, бутоны, ленты, упаковка — все это требовало сосредоточенности. Я перебирала розы, подрезала хризантемы, составляла букеты и на время забывала обо всем.

Но каждый вечер, когда я возвращалась в мамину квартиру, меня атаковали мысли.

Мы с мамой готовили ужин, я отвлекалась на хозяйственные заботы, валялась с книжкой на диване, смотрела сериал или шла в душ, а внутри меня поселилось что-то тяжелое. Не боль — боль ушла, а вот пустота осталась. Опустошение, которое нужно было чем-то заполнить.

Я заполняла его планами.

Валентин наверняка еще пожалеет. Я не знала, когда это случится, но я была уверена на сто процентов. Он думает, что я пришла на все готовенькое? Что я не справлюсь без него? Как же он ошибается!

Я найду способ стать счастливой!

И никакие мужчины для счастья мне не нужны!

***

Через месяц мы были уже в разводе. Как выяснилось, развестись, когда нет детей и общего имущества — достаточно легко. Да, квартира принадлежала мужу — я часто вспоминала, как он орал и брызгал слюной в тот день: «Здесь нет ничего твоего!»

Моих вещей — тех, что я не успела собрать впопыхах — он не отдал, просто выбросил. Ладно, вещи — последнее, о чем я стала бы переживать. Старые джинсы и футболки, да и к черту их.

Когда мы подписывали заявления, Валентин сидел рядом в дорогом костюме, от него пахло хорошим парфюмом. Он выглядел довольным.

— Ну что, Маша? — сказал он, когда мы вышли из здания загса. — Не жалеешь?

— О чем? — спросила я.

— Что не смогла удержать такого, как я, выгодного мужчину.

Я посмотрела на него с изумлением. День был ясным, солнце било в глаза — апрельское, такое весеннее и теплое.

— Рыдаю по ночам, — сказала я.

Он растерялся, потому что явно не смог расшифровать, сарказм это или я говорю серьезно. Не знаю, впрочем, чего он ждал — слез, истерики, признаний в любви? Я послала ему воздушный поцелуй, развернулась и пошла к автобусной остановке.

Слышала, как он крикнул что-то в спину, но не обернулась.

***

Через два месяца после расставания с мужем я по-прежнему жила с мамой и по-прежнему работала в цветочном салоне.

Жизнь шла своим чередом, дни стали похожи один на другой.

Я вставала в семь, пила кофе с мамой, ехала на работу, собирала букеты, продавала цветы, улыбалась покупателям, потом ехала домой, ужинала, болтала с мамой, смотрела с ней сериалы, читала книги.

Перед сном, в ванной, когда чистила зубы, подолгу разглядывала себя в зеркало.

Светлые длинные волосы, чуть волнистые, карие глаза — необычное сочетание, я знаю. Я также знаю, что красива, я отдаю себе в этом отчет без ложной скромности. У меня правильные черты лица, прямой нос и пухлые губы, а когда я улыбаюсь, на щеках у меня играют ямочки.

А еще у меня хорошая фигура, очень приличная грудь третьего размера и тонкая талия.

Да, мне двадцать девять лет, в декабре будет тридцать, но я не выгляжу на тридцатник. Люди, в том числе, незнакомые, часто дают мне не больше двадцати пяти.

Валентин когда-то бегал за мной по пятам, проходу не давал…

И какого же черта?! Пресытился, удовлетворил инстинкт охотника? Надоела? Так и не найдя ответа на свой вопрос, я ложилась спать.

Иногда я думала, что так будет теперь всегда.

Пока все не изменилось.

Глава 3

Это был обычный майский день.

Ясное небо, чудесная погода, в которую так не хотелось сидеть в помещении, а хотелось выскочить на улицу и бегать по лужам, оставшимся от вчерашнего дождя.

Сегодня было много покупателей, и мы с Викой едва успевали их обслуживать.

— Маша, у тебя заказ готов? — крикнула Наталья Сергеевна из подсобки.

— Почти! — ответила я, закрепляя ленту на букете.

В этот момент дверь открылась, звякнул колокольчик, и в магазин вошел мужчина.

Я подняла голову и замерла.

Он был высоким — намного выше среднего роста. На широких плечах идеально сидел темный пиджак, темные волосы были аккуратно подстрижены и причесаны волосок к волоску. Мужик выглядел потрясающе, конечно — стильно и элегантно.

Да просто он был красивым.

«Ален Делон какой-то, но немного более брутальный», — подумала я.

На вид ему было лет тридцать пять, наверное, или около того.

Он оглядел магазин цепким взглядом, и я сразу поняла — этот человек привык получать то, что хочет.

Вика подскочила к нему первой.

— Добрый день! Чем могу помочь?

Мужчина пожал плечами.

— Мне нужен букет, — голос низкий, уверенный. — Зачем же еще приходят в салон цветов?

— Конечно! — с готовностью закивала Вика.

А я подумала, что в салон цветов, вообще-то, приходят много за чем. Например, за комнатными растениями, или вон за открытками — у нас их целый стеллаж.

— Не обычный букет, — добавил мужчина. — Что-то особенное. Для очень важного человека.

— У нас большой выбор! — Вика широко улыбнулась, обводя рукой витрину. — Вот классические розы, вот лилии, вот пионы, вот...

— Это все не то, — перебил он. — Слишком банально.

Вика растерялась.

— Но вы посмотрите внимательнее...

— Я посмотрел, — Ален Делон покачал головой. — Скажите, вы можете предложить мне что-то особенное? Я готов хорошо заплатить, но если нет, я пойду в другой салон.

Это могло бы показаться примитивным шантажом заносчивого клиента, который любит, когда вокруг него все прыгают. Но почему-то сразу было понятно, что дело не в заносчивости. В его голосе звучала уверенность человека, который знает, что время — деньги, и не собирается тратить его на пустые разговоры.

Вика захлопала ресницами. Она отличный флорист, но когда клиент сходу все отвергает и просит принести ему то, не знаю что, даже у нее опускаются руки.

— Маша, — позвала она, оборачиваясь ко мне. — Иди сюда. Может, ты сможешь предложить что-то...

Я вздохнула, отложила свои ирисы и подошла.

— Здравствуйте, — сказала я. — Давайте попробуем что-то придумать.

Мужчина перевел на меня взгляд.

У меня проскочила мысль: надо же, а глаза у него и в самом деле голубые, прямо как у знаменитого французского киноактера, с которым я его почему-то невольно сравниваю.

У меня вот — полная противоположность: волосы светлые, а глаза темные. Все наоборот.

В его взгляде словно сверкнуло что-то — всего на секунду, но я заметила.

— Здравствуйте, — сказал он. — Мне нужен букет, про который можно будет сказать «потрясающий». Это для матери, у нее юбилей.

Я кивнула, сразу отбрасывая в сторону предложения стандартных композиций. Это был не тот случай, когда человек хочет «просто красивый букет». Он хотел что-то со смыслом.

— Расскажите о ней, — попросила я. — Что она любит? Какие у нее хобби? Какой характер?

Ален Делон удивился.

— Обычно флористы не задают таких вопросов.

— Но не в том случае, когда клиенты просят чего-то особенного, — сказала я. — Поэтому рассказывайте.

Он помолчал, потом чуть заметно улыбнулся.

— Ну, она энергичная. Все время в движении, на месте не сидит. Ей исполнилось шестьдесят. Моя мать любит порядок во всем, а еще любит яркие вещи. В прошлом году мы подарили ей красную сумочку, и она была в восторге. Ее любимый цвет — оранжевый. А еще она обожает полевые цветы.

— Оранжевый и полевые? — задумалась я. — Скажите, а как вы относитесь к герберам?

— К чему?

— Герберы. Они яркие, солнечные, похожи на большие ромашки. Если взять герберы разных оттенков, а у нас есть оранжевые, желтые, красные, белые, добавить к ним синие ирисы для контраста и гипсофилу для воздуха — будет очень живо, очень празднично. И небанально. Герберы сейчас в моде.

Он смотрел на меня так пристально, что мне стало немного не по себе.

— Я пока не могу представить, что получится, — сказал он. — А вы уже представляете?

— Конечно. Давайте я сделаю пробный вариант, — предложила я. — Если вам не понравится, вы не будете его покупать.

— А если понравится?

— Тогда договоримся о цене.

Он кивнул.

Я отошла к стеллажам, выбирая цветы. Руки работали на автомате — я знала, что делаю. Букет по большей части своей будет оранжевым и желтым, но вот здесь надо будет разбавить всё белыми. Цветы у нас отличные — крупные, свежие, с такими приятно работать. Теперь синие ирисы, они добавят глубины. И гипсофила — воздушные белые облачка, которые смягчат яркость.

Я составляла букет, чувствуя на себе его взгляд.

Вика отошла в сторону — помогать другой покупательнице, но я знала, что она за нами наблюдает.

Я закрепила последний штрих — атласную ленту в тон герберам — и повернулась к нему.

— Ну, может, вот так?

Он смотрел на букет пару секунд. Потом поднял взгляд на меня.

— Вы просто какая-то цветочная фея, — сказал он.

Я смутилась — не ожидала такого — но невольно улыбнулась.

— Это... это именно то, что нужно, — продолжил он. — Она будет в восторге. Сколько я должен?

Я назвала цену, он кивнул и полез за кошельком. Я упаковала букет в крафтовую бумагу, перевязала лентой.

— Спасибо, — сказал он, когда я отдала ему цветы. — Вы меня очень выручили.

— Это всего лишь букет, — улыбнулась я.

— Не всего лишь букет — это подарок, который я искал, — ответил Ален Делон и добавил после долгой паузы: — Знаете, Маша, я теперь всегда будут приходить за цветами к вам.

Я машинально потрогала бейджик — ну да, там написано мое имя.

— Будем очень рады, — ответила я вежливо.

Он вышел, и колокольчик звякнул в последний раз.

Вика подлетела ко мне мгновенно.

— Нет, ты представляешь?! — возбужденно зашептала она. — Боже, какой мужчина!

— Ничего так, — задумчиво согласилась я.

— А какой заносчивый сначала-то был! А с тобой, смотри-ка, разговорился… Мне кажется, что ты ему… что он…

— Что? — фыркнула я. — Что он? Мужик просто пришел купить цветы для матери.

Вика сделала загадочное лицо, а я вернулась к своим ирисам.

Моя подруга — слишком романтичная особа. Она уже мысленно выдала меня замуж за этого мужика — назло Валентину. Я уверена, что прямо сейчас она в своих фантазиях примеряет мне белую фату и прикидывает, какой букет составит для невесты, то есть, для меня.

Не хочу ее разочаровывать, поэтому не буду, ладно уж, говорить, что мне не нужны никакие мужчины. Даже вот такой Ален Делон мне не нужен. Валентин научил меня, что любовь — это ловушка. И я не попадусь в нее снова.

***

Через два дня в наш салон заявилась Галина Васильевна, моя бывшая свекровь.

Глава 4

При входе, как всегда, звякнул колокольчик, я подняла голову и увидела ее.

В широкополой шляпе, с дорогой сумкой на сгибе локтя, с ледяной улыбкой, которую я так хорошо помнила.

Я молчала, даже здороваться с ней не хотелось. По спине пробежал холодок — я никогда не жду ничего хорошего от этой женщины.

— Здравствуй, Маша, — слащаво улыбнулась она и положила на прилавок свою сумочку.

— Здравствуйте, — все же ответила я. — Зачем вы здесь?

— Зачем еще приходят в цветочный магазин? — хмыкнула она. — Хочу купить цветы. Только мне нужно самое свежее.

Я пожала плечами.

— Хорошо, пойдемте.

Вышла из-за прилавка и направилась в конец салона, где в закутке у нас стоял большой холодильник. Галина Васильевна поплелась за мной.

— Какие именно цветы вы бы хотели? — спросила я.

Галина Васильевна окинула небрежным взглядом цветочное великолепие за стеклом.

— Ну, давай розу. Какую-нибудь яркую.

— Одну?

— Одну.

— Завернуть в целлофан?

— Заверни.

Я выбрала на свой вкус алую розу, машинально прикидывая, какая сюда подойдет ленточка.

— Галина Васильевна, за всё с вас пятьсот рублей.

— Что? Пятьсот рублей за чахлую розу? Да это грабеж, знаешь ли!

— То есть, вы не будете брать розу?

— За такую цену? По-твоему, я с ума сошла?

Я посмотрела на нее, как на ненормальную. Да, по-моему, так и есть, сошла. Впрочем, вслух я этого говорить не стала, открыла холодильник и молча принялась пристраивать розу на место, в ведро.

— Кстати, Маша, мне кажется, ты похудела, — вдруг заявила она. — Или это просто платье тебе не идет? Кто вообще носит оранжевый? Это так вульгарно…

Что за чушь? Во-первых, у меня вес в последние пять лет вообще не менялся — как было шестьдесят килограммов, так и есть.

Во-вторых, оранжевый и конкретно это оранжевое платье мне очень идет! И оно совершенно не вульгарное, а элегантное!

Я наконец пристроила розу, захлопнула дверцу холодильника и резко развернулась.

— Нет, все-таки правда похудела, — продолжала бывшая свекровь, оглядывая меня с ног до головы. — Видно, нелегко тебе пришлось после развода? Ах, да, я забыла. Ты ведь теперь живешь у мамочки-пенсионерки. Денег на качественные продукты не хватает? Вы хотя бы не голодаете, Маш?

— Я не похудела даже на полкило, — отчеканила я. — Галина Васильевна, что вы несете?

У двери снова звякнули колокольчики — кто-то вошел, мне было не видно из закутка.

— Ты как ведешь себя с покупателями? — Галина Васильевна повысила голос.

— Зачем вы пришли на самом деле? — прямо спросила я.

Какой-то мужчина разговаривал у входа с Натальей Сергеевной, и мне послышалось, что прозвучало мое имя. Я со вздохом подумала, что Наталья Сергеевна нас тоже, наверное, слы-

шит, придется объяснять потом хозяйке, что за скандал устроила ненормальная бывшая свекровь.

— На самом деле? Да вот, пришла тебе рассказать, что Алина недавно родила мальчика! Да, мой сын стал отцом, а у меня теперь есть внук! А ты так и не смогла родить. И вряд ли сможешь — в твоем-то возрасте, Машенька… Даже жаль тебя, честное слово. Моего Вальку ты не ценила, и правильно он с тобой развелся. А теперь… Да сама подумай, кому ты теперь нужна?

Галина Васильевна улыбнулась, явно наслаждаясь моментом.

А из-за холодильника вдруг вышел тот самый вчерашний покупатель, Ален Делон. В новом, но таком же дорогом костюме, с таким же сосредоточенным, уверенным взглядом.

И раньше, чем он успел сказать хоть слово, брякнуть что-нибудь вроде: «Здравствуйте, мне нужен особенный букет» — а также раньше, чем я сама успела подумать, что вообще делаю… я метнулась к нему.

— Ты уже пришел… — я запнулась на секунду, поняла, что не знаю, как его зовут, но тут же уверенно добавила: — Уже пришел, любимый! Не ждала тебя так рано!

Он окинул меня потрясенным взглядом, кажется, обалдев от такой наглости, а я повисла у него на шее.

— Подыграйте, умоляю, — прошептала я едва слышно, и тут же, не давая ему опомниться, прильнула губами к его губам.

Где-то за спиной глухо охнула Галина Васильевна. Время как будто замерло, напряженный миг растянулся до бесконечности.

«Да поцелуй ты меня наконец-то!» — с тоской думала я.

Теперь все зависело от этого мужчины, но Ален Делон, похоже, абсолютно обалдевший, никак не реагировал на мою авантюру и мои губы на его губах.

А если он мне не подыграет? Если оттолкнет? Если скажет: «Девушка, вы с ума сошли, мы едва знакомы!»

Неужели я сделала только хуже? Зачем вообще я это сделала, кому и что пытаюсь доказать? Что я любима и желанна, и у меня теперь новый мужик, шикарный красавец при деньгах?

Зачем я взялась что-то доказывать этой Гадине Васильевне, ну зачем?

Бывшая свекровь просто умрет со смеху, если он меня сейчас так и не поцелует…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.